

КАКУЮ ПЕСНЮ СПОЕТ ГЕНЕРАЛ ЛЕБЕДЬ

Генерал Александр Лебедь — поразительное явление в российской политике. Знаменитым полководцем его не назовешь, и битву за Бендеры не причислишь к великим битвам русской истории. Яркой и многообещающей политической программы у него нет. Сидит он в Тирасполе, в отдаленности от политических центров. И кроме того, он несколько раз твердо и, похоже, искренне, заявлял, что баллотироваться в президенты не помышляет.

И тем не менее фигура Лебеда присутствует во всех попытках прогнозов будущих президентских выборов. Некоторые серьезные аналитики даже считают, что он — очень вероятный победитель и, может быть, уже в первом туре. Какая же таинственная сила выталкивает этого человека в большую политику?

Если у нас вообще состоятся президентские выборы в 1996 г., это, естественно, будут выборы образов, «имиджей», включающих символическо-идеологические компоненты (произнесение слова «держава» с большей или меньшей дрожью в голосе, появление или непоявление в церкви со свечкой и т. д.). Победит тот, кто «понравится». И хотя Лебеда никак нельзя назвать «самым обаятельным и привлекательным», в его образе есть нечто, что соответствует глубинным психологическим потребностям многих современных российских людей.

Мне думается, что «загадка Лебеда» — в сочетании трех черт его образа: 1) психологической авторитарности; 2) честности и непринадлежности к политическому «истеблишменту» (что в наших условиях практически одно и то же); 3) вполне умеренных политических взглядов. Все вместе создает довольно причудливую и противоречивую комбинацию.

Авторитарность, мужественность, даже ощущение исходящей от него физической угрозы, того, что с таким человеком «лучше не связываться», буквально излучаются Лебедем. В его облике есть даже что-то «фольклорное» и едва ли не гротескное. При этом несомненно, что Лебедь — не актер, он не играет и не утрирует свою «мужественность», он на самом деле такой. Никакой актер так не сыграет: голос и лицо не изобразишь.

Солдатскую прямоту, конечно, изобразить можно, и разыграть ситуацию, когда ты говоришь начальству правду-матку в глаза в расчете на благодарность народа, испытывающего к начальству чувства в лучшем случае двойственные, не так уж сложно — на наших глазах это разыгрывалось уже много раз. Но похоже, что Лебедь и здесь ничего не разыгрывает и не утрирует. Характерно, что он дважды отказывался от уже полностью готовых для него очень выгодных и лестных ролей. Ему была создана роль «героического защитника Белого дома от гэкачепи-стов» — он не поддержал этот миф.

После сражения в Бендерах он очень естественно выдвигался на роль «воина — надежды угнетаемых русских». Он и этой роли до конца не принял. Так может вести себя или человек очень уж хитрый, разыгрывающий какую-то сложную многоходовую комбинацию, или, что является более простым и, на мой взгляд, более правдоподобным объяснением, — просто человек, остающийся самим собой и именно поэтому кажущийся «непредсказуемым» и, возможно, очень хитрым. В коррупции Лебедь, очевидно, не замешан, ибо, будь он замешан, при

его неудобстве для очень мощных политических сил, это уже давно было бы вытаскано на свет. И вдобавок он еще не только лично, но и «социально» честен, ибо далек, даже пространственно, от нашей элиты.

Но образ Лебеда не сводится к полуфольклорному образу «честного воина», рубящего правду-матку. В нем есть третий и самый важный компонент. Когда видишь Лебеда и слышишь его голос — ждешь набора трескучих фраз о державе, порядке и мощи русского оружия. И испытываешь удивление, когда понимаешь, что треска практически нет, что перед тобой — весьма неглупый человек, причем вполне «нормальный», не стремящийся к войне, диктатуре и лишенный «фашистоидных» элементов в мировоззрении, которые так естественно ожидаются при его «природном» авторитаризме. Слов о «предателях православной цивилизации», как от Руцкого, от него не услышишь. Это «интеллигент» Жириновский, знающий турецкий и английский языки, мечтает о походе на юг; это «признанный лидер российской демократии» Ельцин устраивает кровавую баню в Москве и свой поход на юг начинает разрушением крупного русского города Грозного. Воплощение же твердости Лебедь — выступает против чеченской войны и вообще против того, чтобы «искать на нашу русскую задницу приключений». На мой взгляд, этот контраст между яркой психологической авторитарностью и умеренностью конкретных оценок и высказываний и составляет главный источник потенциальной силы Лебеда. Дело в том, что это противоречие в облике Лебеда идеально соответствует противоречивости нашего современного массового сознания. Наряду с почти всеобщей сейчас жаждой твердой руки, которая «наведет порядок» и положит конец бесконтрольному хозяйничанию номенклатурно-криминальных клик, в нашем массовом сознании есть, как показывают многочисленные опросы, тоже почти всеобщее убеждение, что свобода — ценность. Не сумев жить при демократии, в громадной мере уже «провалив» демократический эксперимент, мы отнюдь не готовы отказаться от свободы слова и права «выбирать начальство». В какой-то мере мы все понимаем, что отказ от демократии будет глубочайшим национальным провалом, доказательством того, что мы все же — народ «слаборазвитый», «развивающийся».

Привлекательность облика Лебеда — отражение этого противоречия и надежды как-то его разрешить, сочетая жесткого лидера диктаторского типа с демократией, устроив что-то вроде военного переворота, но мирным и правовым путем, без отмены свобод слова и т. д. ровно на пять лет. Возможно ли такое сочетание? -

То, что Лебедь победить может, если только он сохранит до конца избирательной кампании свой теперешний «имидж», — несомненно. Проблема в том, что он будет делать дальше. И я говорю не про отсутствие у него команды и экономической программы.

Команда найдется, программа выработается. Страх вызывает другое — жесткий по характеру человек, получивший колоссальную власть, которую дает президенту нынешняя Конституция, и вместе с тем — колоссальные проблемы, требующие «жестких» решений, может, даже не желая этого, легко и незаметно для самого себя превратиться в диктатора и тирана. Чтобы человек с таким характером и привычкой командовать, при такой власти и в такой ситуации, захотел не разрушать, а укреплять демократический правопорядок, он должен быть уж очень умным и честным. То, что Лебедь — не дурак, не жулик и не бессовестный демагог, — почти несомненно. Но хватит ли у него ума и душевных качеств для

такой роли — не известно, наверное, ни ему самому, ни тем более нам, которые знают не Лебеда, а лишь его «имидж».

Теоретически Лебедь может оказаться президентом, который даст народу уверенность, что демократия необязательно означает царство коррупции и мафий, а борьба с ними необязательно означает диктатуру. Если не устроит новых «приключений» типа чеченского и октябрьского и если на четвертом году президентства не заставит гадать — пойдет он на выборы или нет. Но он же вполне может оказаться человеком, который пропоет нашей демократии «лебединую песнь». Что он несет и несет ли он вообще что-то — мы скоро увидим.